

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ КАК ОСНОВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД

СВОЕВОЛИН ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ,
кандидат экономических наук,
заместитель руководителя Центра
стратегических и прикладных разработок
Южного федерального университета.
Электронный адрес: svoevoln@mail.ru

В статье рассматриваются предпосылки, необходимые для становления в России постиндустриального общества, с использованием институционально-эволюционного подхода. Анализируется формирование российской национальной инновационной системы.

Ключевые слова: институты; новая экономика; национальная инновационная система; инновации.

The article reviews the preconditions which are necessary for the postindustrial society foundation in Russia with the support of the institutional-evolutionary approach. The paper also examines the formation of a national innovation system in Russia.

Keywords: institutions; the new economy; the national innovation system; innovation

Коды классификатора JEL: B52, F59, O31.

Трансформация плановой экономики в рыночную, а затем в инновационную и постиндустриальную с высокой степенью необходимости предполагает модернизацию сложившейся системы норм и правил, регулирующих общественную и хозяйственную деятельность людей, смену принципов, мировоззрений, парадигм и т.п., то есть основывается на глубинных институциональных изменениях в общественно-экономическом устройстве как естественном процессе, характерном для всех подвергающихся реформированию социально-экономических систем стран с переходной экономикой. Выбор оптимального пути формирования механизмов обеспечения национальной конкурентоспособности, долгосрочного устойчивого развития, поддержания процессов саморегулирования в экономике и обществе, а также возможность управления этими изменениями требуют выявления закономерностей функционирования социально-экономических систем в периоды кризисного, посткризисного и устойчивого развития.

В России начинается постепенное созревание предпосылок для перехода к постиндустриальному типу развития, наиболее полно описанному Д. Беллом (Bell, 1973), который считал, что основными секторами такого общества должны стать:

- третичный (коммуникации, транспорт);
- четвертичный (торговля, страхование, недвижимость финансы);
- пятеричный (образование, наука, управление, здравоохранение, отдых).

В развитии этих секторов постиндустриального общества ведущую роль должны сыграть транснациональные сетевые структуры, и поэтому оно должно характеризоваться высокой степенью открытости. В то же время, учитывая политические, социально-культурные, экономические особенности России, полная открытость экономики и общества приведет к снижению устойчивости и безопасности развития. Поэтому, на наш взгляд, речь должна идти о рациональной открытости (Белокрылова и Своеволин, 2004). Как утверждает С. Кузнец, основным источником современного роста стало многократное

увеличение потенциала науки как основы развития технологии (Кузнец, 2003). Поэтому важной характеристикой постиндустриального общества является его инновационный характер, высокий уровень развития человеческого потенциала. Такое общество может сформироваться только на основе «экономики знаний». Рассмотрим предпосылки, необходимые для становления в России постиндустриального общества, с использованием институционально-эволюционного подхода.

Сфера институционально-эволюционных исследований является междисциплинарной и представляет собой область, в которой пересекаются научные интересы представителей экономической теории (прежде всего, неинституциональной), теории управления экономическими системами, общесистемных концепций развития, социологии, теории систем и др. При этом общество и экономика рассматриваются как эволюционные открытые самоорганизующиеся системы. Эволюционный подход противопоставлен телеологическому и опирается на три принципа: наследственность, изменчивость и естественный отбор.

Эволюционное направление в экономической науке заложено еще в работах Т. Мальтуса, а экономико-теоретическая разработка обобщений эволюционного типа, отличных от экономического «мэйнстрима», осуществлена Й. Шумпетером (*Шумпетер*, 1982). В настоящее время эволюционная экономика не имеет такого развитого теоретического аппарата как неоклассическая теория. Методологической основой анализа эволюционной динамики социально-экономических систем послужила интеграция ряда системно-синергетических, естественно-научных подходов в рамках общего научного направления, для которого характерен перенос эволюционных представлений из естественных наук в экономику, позволяющего моделировать механизмы самоорганизации, организации и трансформации сложных систем. Так, на основе синергетического подхода к экономике, разработанного Г. Хакеном (*Хакен*, 1980), появилось направление «синергетическая экономика» (*Занг*, 1999). Как направление экономической теории «эволюционная экономика» получила развитие в работах Р. Нельсона, С. Уинтера (*Нельсон и Уинтер*, 2000) и др. Появились также «экоматермика» (*Бурдаков*, 1997), «эконофизика» (*Mantegna and Stanley*, 1999), «биоэкономика» (*Rothschild*, 1990), в основе которых также лежат достижения физики, биофизики, биологии, экологии, термодинамики, синергетики и др.

В соответствии с постулатами эволюционной экономики предполагается, что институты, обладающие максимальным набором благоприятных свойств, которые помогают эффективно развиваться обществу и экономике, сохраняются и получают дальнейшее распространение. Однако существуют и такие варианты социально-экономического развития, когда в силу случайных причин институт развивается по неоптимальному пути, носящему тупиковый характер. Такое развитие института может сопровождаться расширением связанной исключительно с ним и благоприятствующей ему инфраструктуры («хреодный эффект»¹), и неэффективный институт становится устойчивым. В трансформационной экономике часто наблюдается ситуация, когда аффилированные с властью группы с особыми интересами препятствуют «отбраковке» институтов, исчерпавших свой потенциал. Это связано с культурно-историческими особенностями формирования хозяйственной и политической систем (например, в России это вызвано продолжительным существованием института «власти-собственности», начиная с системы кормлений воевод). При этом механизмы отбора и селекции институтов блокируются и препятствуют переходу страны на инновационный путь развития. В целом институциональные преобразования можно проводить при выполнении двух условий: во-первых, это наличие сильной и авторитетной власти, во-вторых, консолидированное общество, способное к самоорганизации. Последнее свойство приобретает ключевое значение именно в условиях постиндустриальной экономики, характеризующейся переходом к расширенному производству услуг, исследований и т.д. В неэкономике значительно возрастает роль индивида, его интеллекта и творческого начала, а способность к генерированию новых знаний становится главным ресурсом устойчивого развития.

¹ Суть «хреодного эффекта» (от греч. *chre* — предопределенный, *odos* — путь) состоит в том, что в силу случайных обстоятельств явление, начав развитие по неоптимальному (неэффективному) пути, продолжает развиваться по первоначальной траектории, даже если она является тупиковой. Формирующаяся при этом внешняя среда блокирует действие механизмов селекции (*Нестеренко А.* Современное состояние институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. — 1997. — № 3). Хреодный эффект является крайним случаем проявления зависимости от предшествующего пути развития (*path dependence*).

Прошлое состояние экономики ограничивает выбор «аттрактора» (точки притяжения вариантов развития) в момент перехода («скачка», «катастрофы») социально-экономической системы: из почти множества путей развития она выбирает лишь соответствующие ее природе, уровню развития, сформированным согласно «принципу непрерывности» Визера. Иными словами: выбранному пути должен соответствовать сложившийся потенциал экономики и общества. В противном случае возникает опасность нарастания в обществе энтропийных тенденций, снижения детерминированности неэкономике, ее деинституционализации и хаотизации. Последняя выступает, с одной стороны, как дестабилизирующий фактор, а с другой — как необходимое условие институциональных мутаций, в результате которых обеспечивается адаптация общественных и экономических институтов к перманентно изменяющимся условиям функционирования, а также возникновение новых институтов. Если возмущения (флуктуации) в обществе или экономике недостаточно сильны, институциональная система реагирует на них возникновением сильных тенденций возврата к старому состоянию, структуре или поведению, что раскрывает глубинную причину неудач многих социально-экономических реформ. Когда дисбалансы усиливаются, то вероятны следующие варианты развития:

- ❖ система может разрушиться;
- ❖ сформируется новая структура;
- ❖ изменится состояние, поведение и/или состав институциональной системы.

Важной характеристикой самоорганизующихся систем является их открытость. Открытость экономики, с ее «спонтанным порядком» (по Ф. Хайеку), с объективной необходимостью детерминирует постоянный процесс внутренних и внешних колебаний, в совокупности препятствующих установлению стабильного общего равновесия в институциональной среде и делающих систему динамичной, постоянно трансформирующейся, неравновесной и полицентричной. Степень открытости социально-экономической системы является важной предпосылкой формирования механизма рыночной самоорганизации, обеспечивающего самоупорядочение и дальнейшее самоусложнение всех подсистем (экономических и общественных институтов) за счет гармонизации их взаимодействия.

Существует объективная взаимосвязь степени открытости национальной и региональных социально-экономических систем с их эволюционной динамикой и институциональной организацией, что проявляется — при прочих равных условиях — в более высокой степени устойчивости и управляемости открытых систем по сравнению с закрытыми. Эффективность воздействия государства как управляющей подсистемы на преодоление закрытости экономики (в том числе региональной) определяется созданием институциональных предпосылок для функционирования механизмов самоорганизации в процессе дерегулирования и управления развитием макро- и мезоэкономических систем через разработку соответствующей государственной (инвестиционной, инновационной и др.) политики, способствующей достижению их рациональной открытости.

Инновационность является имманентным свойством развитых рыночных экономик, сформировавшихся в ходе продолжительного эволюционного развития экономических институтов как результат их метаконкуренции. Отдельные элементы «экономики знаний» присутствовали и в социалистических странах и были связаны, прежде всего, с обеспечением национальной обороны и государственной безопасности, поскольку в военно-промышленном комплексе в фундаментальные и прикладные исследования вкладывались средства, сопоставимые с расходами ведущих промышленных стран. В настоящее время по отдельным научным направлениям Россия (космос, оборонные отрасли и др.) обладает заделом, опережающим на многие годы мировые державы.

Институциональная трансформация 1990-х гг. вызвала общесистемный кризис и привела к разбалансированности механизмов государственного и рыночного воздействия, устранив синергию в экономике и обществе. Крах формальных и неформальных институтов, усилившийся в результате разрыва хозяйственных и кооперационных связей между предприятиями и организациями из-за распада СССР, обусловил потребность в проведении «шоковых» реформ и заимствовании зарубежных институтов гражданского общества,

предпринимательской культуры, государственного управления и т.д. Дальнейший опыт показал, что практика трансплантации (Полтерович, 2001) экономических институтов не способна обеспечить их адекватное встраивание в общество и экономику, требуется их возвращение с учетом национальных особенностей. Заинтересованность постсоветского общества в формировании постиндустриальной экономики, проявляемая в потреблении (или стремлении к потреблению) соответствующих публичных благ, часто характеризуется очень низкой индивидуальной ценностью, что ведет к возникновению проблемы «безбилетника».

Социальная инерция традиционалистского постсоветского общества осложнила быструю имплантацию зарубежных институтов на местной почве, что не позволило России адекватно отреагировать на действие такого внешнего фактора, влияющего на институциональную структуру трансформационной экономики, как глобализация, ускорившая процессы мутации формальных и неформальных институтов. Российская экономика потенциально обладала свойствами целенаправленной адаптации к меняющимся условиям среды, но отсутствие четких стратегических целей экономического развития, воспринимаемых населением и субъектами управляющей подсистемы (чиновниками), послужило одной из причин долговременности трансформационного кризиса. Поскольку наличие цели долгосрочного стратегического развития упорядочивает развитие и повышает устойчивость социально-экономической системы, то очевидна необходимость разработки на федеральном уровне единого комплекса целей, задач и приоритетов для кратко-, средне- и долгосрочного периодов, обеспечивающих сохранение единого территориального и экономического пространства России, снижение межрегиональной асимметрии ее развития. Такая работа началась только в последние годы.

Форсированная трансформация российской экономики в рыночную с использованием инструментов «шоковой терапии» резко снизила степень ее организованности, поскольку выбранному пути развития не соответствовал сложившийся производственно-экономический, инфраструктурный и институциональный потенциал. Адаптация субъектов хозяйствования к рынку предполагает наличие в экономике элементов, способных к самоорганизации и обеспечению движения в избранном направлении, в качестве которых выступают средний класс, ассоциации малого бизнеса, промышленников и предпринимателей, корпорации с контролем аутсайдеров, саморегулируемые организации, общественные объединения и т.д. Отсутствие таких элементов в начале рыночных реформ только усилило дезорганизацию.

Усиление процессов глобализации, отказ от автаркии, во многом характерной для СССР, повышение степени открытости национальной экономики, стремление к развитию гражданского общества поставили перед страной выбор: или Россия остается экономически и социально развитой мировой державой, или становится *de facto* сырьевым придатком мощных западных и азиатских экономик. Был выбран первый путь, что повлекло за собой активную трансплантацию отдельных элементов институциональной среды, характерных для стран с развитой рыночной экономикой, на фоне размывания исторически унаследованных институтов традиционного общества. Процесс инициировался государством, сохранившим свою роль не только в качестве «ночного сторожа». Развитие сырьевых компаний, связанное с благоприятной конъюнктурой на внешних рынках, стало основой институционализации национальной олигархии. Это также привело к усилению позиций государственной бюрократии (чиновничество) и олигархии, фактически «приватизировавших» власть, и активизации такой общественной группы, как «силовики» («государственники»). Сформировавшиеся на их основе политические сети², консервативно настроенные по отношению к экономике и обществу, стали развиваться в симбиозе и практически не заинтересованы в либерализации социальных и экономических процессов, необходимых для формирования постиндустриального общества в России.

Расширение рыночной самостоятельности экономических субъектов постсоветских стран, суверенизация их регионов не снижают их устойчивости при условии осуществления

² Альянсы политических акторов, созданные вокруг общих стратегических интересов, с высокой устойчивостью и наличием моделей координации и реализующиеся через коллективные действия (Comparing Policy Networks / Ed. by D.Marsh. Buckingham, 1998, 38).

целенаправленной государственной политики по обеспечению безопасности и конкурентоспособности. Напротив, «закрытые» (автаркические) социально-экономические системы в силу введения в них формальных и неформальных институциональных ограничений на внешние связи «отсекаются» от мировых рынков, культурных и информационных потоков, что в конечном итоге приводит к снижению темпов макроэкономической и институциональной динамики, утрате национальной конкурентоспособности, повышению вероятности разрушения или поглощения такой стагнирующей системы. Таким образом, использование свойства рыночной системы самопроизвольно упорядочивать свою структуру путем усиления тесноты взаимосвязей экономических субъектов и расширения их территориальной масштабности обеспечивает эффективность государственного регулирования процессов рыночной трансформации экономики.

Импорт новых институтов привел к созданию неоднородной институциональной среды, в которой дисгармонично соединяются новые и традиционные правила (формальные и неформальные), ограничивающие и оформляющие действия экономических субъектов. Здесь институциональная среда находится на стадии усвоения инноваций, которые с трудностями приживаются на неподготовленной российской почве и не имеют пока необходимых внутренних предпосылок для своего становления и развития. Поэтому скорость институциональных преобразований весьма различна не только в каждой из постсоветских стран, но и внутри их регионов.

Изменения неформальных институтов происходят дольше, чем формальных. Институциональный хаос (вакуум) или — по В. Тамбовцеву (*Тамбовцев*, 1996, 15–22) — «институциональный рынок», «рынок правил», при котором существуют старые и новые правила и нормы хозяйствования в транзитивных экономиках, разрешается выбором наиболее эффективного института. При этом институциональный рынок с его дополнительными транзакционными издержками отвлекает ресурсы агентов от их основной деятельности. Как пишет Д. Норт: «Эволюционная теория обосновывает вывод о том, что с течением времени неэффективные институты отмирают, а эффективные — выживают, и поэтому происходит постепенное развитие более эффективных форм экономической, политической и социальной организации». Однако могут получить развитие и закрепиться неэффективные институты (эффект блокировки, «lock-in»), имеющие устойчивый самоподдерживающийся характер (*Норт*, 1997, 118).

Управляемый переход на инновационный путь развития приведет общество к повышению степени его открытости, способствующей становлению постиндустриального общества в России с максимальным сохранением эффективных институтов. Произошедшие в последнее время трансформационные процессы в мире подтвердили императив открытости экономики как важнейшего фактора, обеспечивающего динамичное развитие национального хозяйства. Поэтому экономическая политика России с момента приобретения суверенитета была ориентирована на либерально-рыночные преобразования и повышение степени открытости экономики.

Российская экономика нами идентифицируется как квазиоткрытая, поскольку характеризуется достаточно высокой степенью открытости на макроуровне, но является частично открытой на мезоуровне отдельных регионов и отраслей. Во многих регионах также наблюдается достаточно высокая степень закрытости как самого общества, так и местных властных структур («кланов») от местного сообщества, что связано с неэффективностью выборной системы в России (особенно в национальных республиках Северного Кавказа). Снижение степени взаимосвязи и взаимодействия мезокомпонентов социально-экономической системы усиливает ее трансформационную дезорганизацию, а развитие центров рыночно-институциональной самоорганизации, на наш взгляд, обеспечивает снижение транзакционных издержек, улучшение социального самочувствия, стимулирует формирование регламентированных рыночных процессов и институтов. Эволюция организации постсоветской экономики осуществляется в форме перехода от директивного управления к институтам регулируемой государством рыночной самоорганизации с доминирующей ролью механизмов конкурентного отбора (*Белокрылова и Своеволин*, 2004, 103–104).

Как утверждает В. Тамбовцев, спонтанное формирование новых рыночных институтов в условиях радикального реформирования не является эффективным процессом. Напротив, по его мнению, рыночная самоорганизация ведет к усилению защитной функции социально-экономической системы, направленной на сохранение старых традиций и норм поведения экономических агентов (Тамбовцев, 2005, 5). Деинституционализация системы государственного регулирования в этот период неизбежно привела к экономическому и политическому хаосу. Государство может стать дополнительным фактором нестабильности или, напротив, гарантом соблюдения «правил игры», регулятором, обеспечивающим гармонизацию общественных и частных интересов. Д. Норт, Р. Коуз, Г. Саймон, О. Уильямсон и др. не отрицают значения государства в создании институциональной структуры, а также рыночных условий, но отмечают, что генерация и трансмутация институтов носит, прежде всего, эволюционный характер. По нашему мнению, долгосрочный и положительный эффект от создания самоорганизующихся структур в экономике и обществе, их сочетание со сложившимися государственными институтами достигается на базе смешанной матричной структуры управления с двумя координирующими уровнями: иерархическим и гетерархическим. Иерархический уровень соответствует вертикально-властной системе управления экономикой и обществом, обеспечивает полноценное функционирование вытесняемых институтов индустриальной экономики и их мутацию, создает условия для институтогенеза принципиально новых (инновационных, постиндустриальных) структур. Гетерархический уровень³ обеспечивает гибкость системы государственного управления по горизонтали, гармоничность развития новых рыночных сегментов в рамках прежних формальных и неформальных институтов, способствует развитию конкуренции и содействует тем самым повышению конкурентоспособности экономических субъектов и страны в целом. Доминирование гетерархической координации общественных и экономических институтов позволяет без масштабного их разрушения в процессе рыночно-трансформационной модернизации эволюционно генерировать новые элементы постиндустриального общества в России. Стабилизационные и преобразующие функции при этом реализуются различными управляющими подсистемами для адекватного государственного управления разнорежимными процессами в условиях неэкономии.

Внедрение институциональных инноваций детерминирует изменение пропорций в обществе. Для выявления механизма реализации этих процессов в экономической практике необходимо определить состав институциональных инноваторов, получаемые ими выгоды, реальные и декларируемые мотивы. Скорость формирования институтов неэкономии также зависит от того, кто выступает в качестве институционального инноватора. Так, в России основным инноватором является государство, генерирующее вокруг себя властное пространство, а все остальные институты вынуждены следовать его воле и интересам, поступаясь в определенной мере собственными интересами и целями. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что государство единолично формирует формальные институты рыночного порядка (законы, контрольно-надзорные и регулирующие органы). Осуществление институционального изменения часто требует довольно значительных затрат (финансовых, организационных и др.), которые могут быть осуществлены государством или широким общественным движением («цветные революции»). Но, являясь большой группой, государство сталкивается с проблемой «безбилетника», и поэтому для осуществления институциональной инновации необходимо наличие механизмов политического принятия решения, насилия для его проведения и контроля за его исполнением. Поэтому в условиях государственной монополии на осуществление насилия функции институционального инноватора могут брать на себя группы с особыми (политическими, финансово-экономическими, социальными) интересами при наличии у них избирательных стимулов (национальные элиты, партии), которые выступают как самостоятельные агенты.

Само возникновение общественных институтов является следствием присущей социуму и отдельным индивидам конкурентной борьбы за обладание властными полномочиями, за ограничение действия других в соответствии со своими интересами и выгодами.

³ То есть децентрализованные институты, обеспечивающие саморегулирование на основе правил, частично регламентирующих деятельность.

Д. Найт утверждает, что социальные институты — не столько продукт усилий, направленных на ограничение социальных акторов в коллективных целях, сколько продукт усилий отдельного актора с целью ограничения действий других акторов, с которыми он взаимодействует (Knight, 1992, 19, 38). Поскольку определенная группа с особыми интересами обладает властью (политической, экономической и др.), то она, как правило, имеет тенденцию к разрастанию как в направлении расширения сферы своих интересов, так и к росту количества новых участников. В процессе расширения сферы интересов и количества участников внутри такой группы рождается все больше неформальных правил, каждое из которых новыми участниками группы начинает трактоваться по-разному, или отдельные участники не желают подчиняться неформальным правилам, пытаются оспорить лидерство во властной группе. Такая ситуация детерминирует необходимость формализации применяющихся правил для акторов, имеющих более сильные позиции на властном пространстве и опасующихся их (позиции) потерять, что в некоторых случаях может привести к устранению «ослабевших» акторов с политической или экономической сцены.

Для получения дополнительных преимуществ и обеспечения прежней эффективности неформальных институтов акторы стремятся привлечь механизмы государственного принуждения. «Как только государство становится фокальной точкой для конфликта по поводу институциональных изменений, институты государства сами по себе становятся новым источником конфликта. Как и другие формы социальных институтов, правила, посредством которых структурируется политическая конкуренция, ...влияют на распределение влияния в процессе принятия решений» (Д. Найт) (Knight, 1992, 193). Акторы, имеющие власть, в условиях нестабильной институциональной среды стремятся усилить и закрепить свое влияние посредством инкорпорирования в социально-политические институты (законодательная власть, органы государственного управления и местного самоуправления). Достижение такой цели может реализовываться посредством создания новой партии («партии власти») или участием своих представителей в деятельности существующей организации. Таким способом обеспечивается стабильность властной группы как минимум в течение выборного цикла.

Снижение эффективности социальных и политических институтов вызывает рост транзакционных издержек правящей элиты и детерминирует ее стремление к проведению институциональных изменений для восстановления своей легитимности (авторитета (Вебер, 1994, 68)) и конкурентоспособности относительно других акторов. В условиях кризисного или посткризисного развития снижение эффективности функционирования социальных и политических институтов ведет к тому, что они становятся неспособными поддерживать стабильность в обществе, а это является их ключевой функцией.

Существует и другой путь обеспечения легитимности/авторитета и конкурентоспособности, связанный с устранением своих существующих и потенциальных конкурентов с политической или экономической сцены путем внесения институционально-правовых изменений, направленных на формализацию правил исключительно в своих интересах, которые затруднят или заблокируют эффективное функционирование институтов соперников. Такая деятельность может при необходимости дополняться применением «административного ресурса». Примерами этого могут служить: на политической сцене — повышение избирательного порога, завышенные требования к численности общественных организаций и партий, на экономической — искусственное ограничение конкуренции на определенных рынках (в интересах государственных корпораций, естественных монополий и т.д.), чрезмерные и постоянные проверки налоговых и иных контрольно-надзорных инстанций. При этом требуется обеспечить вынесение желаемых судебных решений при отсутствии, соответственно, реальной независимости судебной власти. В результате таких действий можно обеспечить стабильность социально-политических и экономических институтов, связанных с группами с особыми интересами, но ценой этого станут рост транзакционных издержек (то есть институты станут неэффективными) и низкая конкурентоспособность страны в средне- и долгосрочном периоде. Сложившаяся ситуация идентична состоянию закрытой (квазиоткрытой) системы в системно-синергетических теориях.

Если практически полная финализации трансформационных процессов в российской экономике и ее рыночный характер сомнению не подлежат, то в политической сфере институциональная среда, на наш взгляд, все еще находится в переходном состоянии. При описании переходных процессов в отечественной экономике Р. Капелюшников обращал внимание на следующие особенности институционального развития: слабость механизмов инфорсмент⁴ и особое место и роль неформальных институтов (Капелюшников, 2001, 139). Слабость механизмов инфорсмент и вытеснение формальных правил из хозяйственного оборота — это важные признаки трансформационных экономик с позиций институционализма. В политической сфере России нарушается конкурентное взаимодействие между формальными и неформальными институтами, происходит чрезмерное использование механизмов инфорсмент для ослабления политической конкуренции, что ведет к сбоям в автоматическом и систематическом применении новых формальных правил. В результате снижается общая эффективность политической системы в стране, повышается результативность личных связей как инструмента защиты своих интересов, что ведет к росту коррупционной составляющей в экономике и обществе. Политическое регулирование начинает осуществляться в «ручном» режиме, исчезает конкуренция за избирателя, и, как следствие, «партия власти» начинает представлять не своих избирателей (народ), а бюрократию (группы с особыми интересами). В результате происходит стабилизация фрагментарно институционализированного и поэтому неэффективного порядка. Безусловно, полная открытость политической системы (особенно внешняя) не ведет к стабильности в обществе, однако отсутствие элементарной транспарентности и самоорганизации общественных групп делает маловероятным переход к постиндустриальному обществу. Поэтому экономическая и общественная деятельность приобретает имплицитный⁵ характер.

Политические сети государственно-силовой бюрократии дифференцированы по степени сплоченности, значимости санкций, уровню доверия и др. В значительной степени симбиотическое развитие бюрократии, «силовиков» и олигархических группировок чрезвычайно усилило коррупционные процессы в российском обществе. Коррупция, пустившая метастазы во всех частях общества и экономики, препятствует эффективной реаллокации ресурсов, развитию рыночной конкуренции и метаконкуренции институтов. Более того, чем дольше борьба с коррупцией будет демонстрироваться, а не вестись на самом деле, тем больший негативный эффект это окажет на последующее развитие общества, поскольку социальные процессы имеют более инерционный характер по сравнению с экономическими, обладают значительным кумулятивным эффектом, накапливая прямые и косвенные следствия изменений институциональной среды. Такие негативные социальные явления возвращаются в хозяйственную практику через сознание и поведение людей, впоследствии детерминируя их поведение. По данным *Transparency International*, Россия в рейтинге «Индекс восприятия коррупции — 2007» заняла 143 место среди 180 стран, поделив его с Гамбией, Индонезией и Того⁶. Безусловно, этот рейтинг, равно как и многие другие, не отражает реального положения в России, но в любом случае сигнализирует о наличии значительных проблем с коррупционной составляющей экономического и общественно-политического развития.

Сложившееся положение в целом понятно и приемлемо для определенной части общества, характеризующейся патерналистскими взглядами, особенно проживших значительную часть жизни в СССР. Однако такая ситуация не устраивает наиболее активную часть российского общества — представителей научных и творческих профессий, предпринимателей, занимающихся малым и средним бизнесом. Последние особенно страдают от административных барьеров и коррупции. Этим во многом обусловлены ухудшение социального самочувствия в обществе и «утечка мозгов» за границу. Следует особо отметить, что едва ли не единственным институтом, который власть практически и не пыталась импортировать на российскую почву, является институт борьбы с коррупцией (борьба с конфликтами служебных и личных интересов, декларирование доходов не только судей,

⁴ *Инфорсмент* — механизмы, процедуры и инстанции, обеспечивающие соблюдение норм и правил.

⁵ *Имплицитность* — неявность, подразумеваемость.

⁶ См.: www.transparency.org.ru.

чиновников и др., но и их близких родственников, и др.). В России до сих пор отсутствует закон по борьбе с коррупцией. Это явно демонстрирует слабость институтов гражданского общества и является, на наш взгляд, результатом действия групп с особыми интересами в органах власти.

В связи с переходом России от стадии посткризисного восстановительного развития к макроэкономической стабилизации актуализируется задача создания предпосылок, в том числе институциональных, для формирования экономики принципиально нового типа — инновационной, основанной на знаниях и развитии человеческого капитала. Однако в России устойчивость тенденции макроэкономической стабилизации вызывает определенную обеспокоенность в связи с остающейся значительной ролью сырьевых отраслей как источников доходов государственного бюджета, низкой конкурентоспособностью отраслей промышленности и сферы услуг, а также слабым развитием институтов гражданского общества. Для достижения долговременного устойчивого роста необходимо обеспечить диверсификацию российской экономики, используя потенциал наукоемких отраслей.

На самом высоком властном уровне постоянно декларируется, что императивом проведения рыночно-трансформационных преобразований является переход на инновационный путь развития, однако дальше использования разрозненных инструментов дело не идет. Так, до сих пор в России отсутствует федеральный закон об инновационной деятельности, официально дефинирующий понятия «инновация», «инновационная деятельность», «инновационное предприятие» и определяющий льготы, преференции и т.д. Российской экономике свойственна и определенная противоречивость: несмотря на то что она нуждается в инновациях, в реальности они практически не востребовааны: в настоящее время инновационная продукция занимает в ВВП России меньше 1%, а в Италии, Испании, Португалии — от 10 до 20%, в Финляндии — 30%⁷. До сих пор не сформированы институты управления модернизационным развитием макро- и мезоэкономики, агрегированные в национальной инновационной системе и ее региональных подсистемах. Ключевое значение приобретает институционализация среды, содействующей инновациям во всех сферах российской экономики и общества, то есть формирование благоприятного инновационного климата.

Одним из ключевых элементов институциональной системы неэкономки выступает национальная инновационная система (НИС). В экономико-институциональном аспекте НИС представляет собой комплекс институтов, участвующих в производстве, передаче и использовании новых знаний (фирмы, научно-исследовательская система, элементы технологической и экономической инфраструктуры), а также элементы, непосредственно и опосредованно влияющие на инновационный процесс (государственная экономическая политика, рынок труда, система образования и переподготовки, конкурентные рынки, финансовая и информационно-телекоммуникационная системы и т.д.) (*Lundvall*, 1992). Организационно-функциональная и экономическая инфраструктура НИС должна координировать все составляющие инновационной деятельности, содействуя адаптации промышленности, науки и образования к рыночным условиям, обеспечивать саморазвитие научно-технической и промышленной сфер.

В период формирования российской НИС большое значение имеет государственное содействие совместным научно-исследовательским и прикладным проектам, повышению академической мобильности, формированию сетей и кластеров предприятий и организаций и др. Процесс глобализации исследований и разработок должен контролироваться на предмет угроз национальной безопасности. В течение последних десяти лет российское правительство периодически демонстрировало активность по созданию различных элементов НИС, однако на мировом рынке наукоемкой продукции Россия занимает по разным оценкам ничтожно малую по сравнению с имеющимся инновационным потенциалом долю (от 0,35 до 1%).

Формирование НИС не ограничивается процессом институционализации системы использования технологических инноваций, обеспечивающей конкурентоспособность отраслей народного хозяйства на внешнем и внутреннем рынках (*Nelson*, 1993). Технологи-

⁷ См.: www.transparency.org.ru.

ческое развитие в условиях неэкономии не следует рассматривать только в рамках цикла «наука — производство», этот процесс гораздо шире и включает в себя взаимодействие обратных связей между всем комплексом общественных, политических, экономических, управленческих и др. факторов, детерминирующих перманентную генерацию инноваций (Edquist, 1997). Инновационная экономика подразумевает и постоянное внедрение институциональных (управленческих, социальных, образовательных и др.) инноваций (Freeman, 1994).

Практически во всех научных исследованиях, посвященных анализу национальных инновационных систем, обращается внимание на то, что ключевую роль в инновационном процессе играют взаимосвязи между институтами. Научное и технологическое развитие является результатом сложного комплекса взаимосвязей между участникам инновационной системы — предприятиями, университетами и государственными научными учреждениями и др. Использование такого критерия, как «измерение и оценка потоков знаний и информации»⁸ в различных НИС, позволяет ввести понятие «социальная система инноваций», выделив при этом четыре ее основных типа (Amable, Barre and Boyer, 1997):

- мезокорпоративную (Япония),
- рыночную (Великобритания, США),
- социал-демократическую (Скандинавия),
- интеграционно-европейскую (Франция, Германия, Голландия, Италия).

Историческое прошлое страны («предшествующий путь развития») детерминирует особенности институциональной системы, определяющей технологическую динамику (подобие «институциональной матрицы» (Курдина, 2001)) применительно к НИС. Оптимальной конфигурации этих институтов не существует, и речь может идти о взаимодополняемости отдельных НИС и разной скорости реакции на технологические трансформации. Поэтому, на наш взгляд, имплантация институтов инновационной системы из развитых стран на российскую почву без соответствующей их адаптации и реинжиниринга, скорее всего, обречена на провал. Следовательно, оптимальным сценарием формирования инновационной экономики в России является эволюционный, то есть «выращивание» на местной «почве» институтов, позволяющих снизить степень неопределенности в обществе и экономике. Так, например, поскольку особенностью отечественной науки является проведение исследований в рамках крупных государственных научно-исследовательских организаций (университетов, НИИ, РАН и других государственных академий наук), то неэффективно просто закрыть или расчлнить эти структуры исходя из западного опыта. Следует их постепенно трансформировать, оптимизировать и модернизировать, например, создавая дочерние или самостоятельные малые инновационные фирмы, занятые коммерциализацией конкретной прикладной разработки. Такая работа с 1994 года эффективно ведется государственным Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, в 2007 году создан фонд фондов — «Российская венчурная компания». В стране действуют 19 региональных венчурных фондов, созданных на принципах государственно-частного партнерства.

В России государство выступает организующим элементом институциональной структуры/среды для осуществления инновационной деятельности. В начале 1990-х гг. на базе вузов и государственных научных организаций был создан ряд новых форм организации научно-технической деятельности, в настоящий период составляющих основу инновационной инфраструктуры (технологические парки, инновационно-технологические центры и т.д.). Однако затем государство практически перестало уделять особое внимание инновационному сектору экономики, который стал развиваться в большей степени самостоятельно. Вузовские и частные малые инновационные предприятия и организации занимались поиском венчурного финансирования, защитой объектов интеллектуальной собственности и т.д. Высокорисковая природа инновационной деятельности и сложившиеся модели поведения субъектов постсоветской экономики повлекли за собой уклонение от уплаты налогов, теневилизацию бизнеса, продажу

⁸ См.: Независимая газета. — 2007. — 24 января.

технологий за бесценок, появилось значительное количество псевдоинновационных разработок (например, в последнее время стало «модным» использование приставки «нано» для обозначения продукции, произведенной на основе нанотехнологий, хотя в большинстве случаев это только маркетинговый прием).

Ускоренное формирование национальной инновационной системы и институциональной среды для ее эффективного функционирования позволит перейти от трансплантации заимствованных экономических институтов, не способных к саморазвитию в специфической российской среде, к институциональной инженерии, что будет способствовать снижению степени неопределенности для субъектов инновационной деятельности, уменьшению их транзакционных издержек и получению за счет этого намеченного результата. Синергия может быть достаточно велика, поскольку российское национальное хозяйство имеет огромный научно-технический потенциал, доставшийся в наследство от Советского Союза, хотя и подвергшийся мутациям в процессе рыночно-трансформационной модернизации экономики. Для коммерциализации этого потенциала необходимо перейти от деклараций и теоретических разработок к практическому построению «экономики знаний». Особое внимание необходимо уделять развитию предпосылок для формирования постиндустриального общества во всех регионах России, обеспечивая тем самым целостность ее производственно-экономического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Белокрылова О.С.* Рациональная открытость трансформационной экономики / О.С. Белокрылова, В.Ю. Своеволин. — Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2004.
- Бурдаков В.П.* Эффективность жизни (введение в экоматерику) / В.П. Бурдаков. — М.: Энергоатомиздат, 1997.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. — М.: Гардарики, 1994.
- Занг В.-Б.* Синергетическая экономика: время и перемены в нелинейной экономической теории / В.-Б. Занг. — М.: Мир, 1999.
- Капелюшников Р.* Где начало того конца? (к вопросу об окончании переходного периода в России) / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2001. — № 1.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. — М.: ТЕИС, 2001.
- Кузнец С.* Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений. Нобелевская лекция / С. Кузнец // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России / под ред. Ю.В. Яковца — СПб.: Гуманистика, 2003.
- Нельсон Р.* Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. — М.: Финстатинформ, 2000.
- Нестеренко А.* Современное состояние институционально-эволюционной теории / А. Нестеренко // Вопросы экономики. — 1997. — № 3.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М., 1997.
- Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3.
- Тамбовцев В.Л.* О предмете теории переходной экономики / В.Л. Тамбовцев // Вестник МГУ. — Сер. 6 «Экономика». — 1996. — № 3.
- Тамбовцев В.Л.* Экономическая теория институциональных изменений / В.Л. Тамбовцев. — М.: ТЕИС. 2005.
- Хакен Г.* Синергетика / Г. Хакен. — М.: Мир, 1980.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер. — М.: Прогресс, 1982.
- Amable B., Barre R. and Boyer R.* Les systemes d'innovation a l'ere de la globalisation. — P. 1997.

- Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. — N.Y. 1973.
- Edquist C.* Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. — L. 1997.
- Freeman C.* (1994). The Economics of Technical Change // Cambridge Journal of Economics. — 1994. — № 18.
- Knight J.* Institutions and Social Conflict. — Cambridge. 1992.
- Lundvall B.-A.* National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. — London. 1992.
- Mantegna R.N. and Stanley H.E.* An Introduction to Econophysics: Correlations and Complexity in Finance. — Cambridge. 1999.
- Nelson R.* National Innovation Systems: A Comparative Analysis. — N.Y. 1993
- Rothschild M.* Bionomics: Economy as Ecosystem. — N.Y. 1990.